

Засодимский Павел Владимирович

**Аля. Из биогродной
маленькой девочки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Аля. Из биогродной маленькой девочки / Засодимский Павел Владимирович –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 40 с.

ISBN 978-5-519-85851-9

ISBN 978-5-519-85851-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

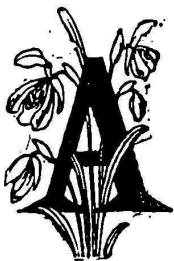
www.samizday.ru/reprint

А Л Я.

Изъ біографіи одной маленькой дѣвочки.

(Посвящается Надеждѣ Михайловнѣ Рихтеръ).

I.

Аля любила всѣхъ и ее всѣ любили, да и нельзя было не любить это доброе, ласковое, прелестное дитя. Я долго не могъ глазъ отвести отъ нея, когда увидалъ ее въ первый разъ. Ей тогда было пять лѣтъ, но не по лѣтамъ былъ уменъ, серьезенъ взглядъ ея большихъ, голубыхъ глазъ. Аля родилась и выросла въ деревнѣ, посреди луговъ и полей, посреди цвѣтовъ и зелени, сама цвѣтущая, какъ нѣжный полевой цвѣточекъ. Любви было полно ея дѣтское сердце, любви самой чистой, самой свѣтлой, какая только возможна на нашей темной, грѣшной землѣ.

Она любила весь міръ—живой и неодушевленный. Птички, бабочки, цвѣты были ея друзьями. Воробышки и голуби безъ всякаго страха со всѣхъ сторонъ слетались къ ней на балконъ клевать крошки. Бѣлая козочка бѣгала за ней и, потерявъ ее изъ виду, жалобно блеяла. Собаки съ такимъ жаромъ ласкались къ ней, что иногда сваливали ее съ ногъ. И никто не вздумалъ бы при ней прогнать или ударить собаку... Если она замѣчала на дорогѣ какую-нибудь букашку, то сейчасъ же относила ее подальше въ траву или въ кусты для того, чтобы не раздавили ея. Въ началѣ прошлой зимы Аля нашла на окнѣ засыпавшую бабочку; она осторожненько взяла бабочку отогрѣла ее своимъ дыханіемъ и посадила на розу. „Пускай покормится!..“ Она желала, чтобы всѣ вокругъ нея—люди и животныя и самыя маленькія букашки—были довольны и счастливы.

Аля знала, въ какомъ кусту или на какомъ деревѣ вывелись птенчики, и зорко оберегала ихъ. Если же она находила мертвую птичку, то горько плакала надъ ней. Она знала, гдѣ распускается первый цвѣтокъ и, если встрѣчала цвѣтокъ незнакомый, тащила къ нему мать.

— Иди, иди мама!—торопливо говорила она.—Посмотри, какой хорошій! Какъ его зовутъ?

Незабудки и ландыши были ея любимые цвѣты. Она часто вила вѣнки и надѣвала ихъ себѣ на голову и на шею черезъ плечо. Бѣжить она, бывало, по саду въ ясный, солнечный день, весело распѣваетъ, вся въ бѣломъ, вся въ цвѣтахъ, бѣлокурые, золотистые волосы ея развѣваются, глаза блестятъ, искрятся, и вся она сіяющая, радостная...

— Мама! я хочу снять съ себя фотографическій портретъ... вотъ такъ...—однажды сказала она матери. — Я буду сидѣть и плести вѣнки, а кругомъ меня — всѣ мои собаки, козы, ослики, кролики, куры... И собакамъ и осликамъ также совью вѣнки на шею и сама буду въ вѣнкѣ!

Аля не успѣла снять съ себя такой портретъ; „почему не успѣла“,—о томъ читатели узнаютъ въ свое время.

Лѣтомъ почти каждый день Аля набирала для мамы свѣжій букетъ и ставила его на столикъ, у изголовья ея кровати. У Али также сохранялся всю зиму, до новыхъ цвѣтовъ, засохшій букетъ изъ ландышей и незабудокъ,—и въ темную зимнюю пору эти завядшіе цвѣточки напоми-

нали ей о теплыхъ лѣтнихъ дняхъ и о томъ, что зима будетъ не вѣчно, что опять придетъ весна, зацвѣтутъ цвѣты, и Аля опять украситъ ими свои бѣлокурые волосыныки. Въ ея дѣтской всѣ окна были заставлены баночками и горшочками со всходами апельсина, винограда, орѣха, клена дуба, даже росла верба, сохранившаяся отъ послѣдняго Вербнаго воскресенья.

Мама отвела ей въ саду уголокъ, и лѣтомъ Аля работала въ своемъ огородѣ: садила овощи на грядки, ухаживала за ними, полола, поливала. Аля была рада каждой травкѣ, возвращенной ею, и, видимо, ей доставляло величайшее наслажденіе умножать жизнь на землѣ. Иногда она брала съ собой большую куклу Надю и учила ее, какъ надо садить, полоть... Все лѣто она занималась своимъ хозяйствомъ.

Садъ ей нравился, но лугъ и лѣсъ были для нея милѣе. По цѣлымъ днямъ пропадала она со своей бѣлой козочкой и возвращалась изъ своихъ странствованій усталая, но веселая и счастливая, съ цвѣтами въ рукахъ.

Аля по-своему понимала и любила природу. Иногда подолгу слѣдила она за прихотливыми очертаніями облаковъ и нахо-

дила тамъ знакомые образы: то видѣла барашковъ, то снѣговыя горы, то цѣлые сказочные города. Нерѣдко также въ ясныя ночи она засматривалась на темныя, глубокія небеса, на падающія звѣзды. Она знала на небѣ созвѣздія Большой и Малой Медвѣдицы, могла указать Петровъ Крестъ...

Она почти никогда не забавлялась игрушками, хотя въ ея дѣтской были заставлены ими цѣлые углы. Игрушки она раздавала. Ея любимыми занятіями были книги и картины. Аля была не скупа, была готова подѣлиться съ кѣмъ угодно всякой игрушкой, отдать послѣднее, но ее очень огорчало, когда дѣти трепали книги и вообще небрежно обращались съ ними. Сама она относилась къ книгѣ съ уваженіемъ.

Дѣти часто ходятъ хвостомъ за матерью и ноютъ: „Что мнѣ дѣлать, мама? Мама, мнѣ скучно!“ и канючатъ до того, что, просто, слушать тошно. Съ Алей ничего подобнаго не бывало. Она никогда не скучала и не оставалась безъ дѣла, не сидѣла, сложа руки, и не валялась въ лѣнивой позѣ. Большимъ удовольствіемъ было для нея помогать мамѣ или нянѣ въ хозяйствѣ. Когда ей поручали какое-нибудь дѣло, то можно было смѣло надѣяться, что

Аля исполнить его аккуратно,—и за дѣломъ ей никогда въ голову не приходило спалить.

Дѣвочка была удивительно переимчива. Для нея, казалось, ничто не проходило незамѣченнымъ... Побывала она на мотобѣ,—и уже на другой день добыла себѣ цѣпь и снопикъ ржи и принялась учиться молотить. Побывала на постройкѣ,—и сейчасъ же перезнакомилась со всѣми плотниками и попросила ихъ сберегать для нея обрѣзки дерева. Аля никогда не просила невозможнаго, но ужъ зато умѣла такъ смотрѣть на людей, когда просила ихъ о чемъ-нибудь, что люди ей никогда не отказывали. Плотники сберегали для нея всѣ обрѣзки и обрубки, и Аля изъ этого матеріала построила домикъ въ саду подъ старой, развѣсистой елью. Познакомилась она также съ печниками и разспросила ихъ, какъ надо дѣлать кирпичи,—добыла себѣ глины, песку и изъ разломаннаго ящика устроила „форму“, и потомъ въ бесѣдкѣ сушился рядъ кирпичиковъ ея работы. Только Аля жаловалась, что никакъ не можетъ придать надлежащую форму кирпичу.

Аля, я уже сказалъ, любила природу: но еще болѣе она любила людей. Никто не

уходилъ отъ нея безъ того, чтобы она не приласкала и не заглянула ему въ душу своими свѣтлыми глазками. О томъ, какъ она любила отца, мать, няню Мину, добрую нѣмку,—я уже не говорю: такихъ близкихъ людей всѣ дѣти любятъ... Аля живо подмѣчала, если кто-нибудь бывалъ боленъ или огорченъ. Если она видѣла въ чьихъ-нибудь глазахъ слезы, то сейчасъ же обращалась съ участливыми разспросами: „Что съ тобой? О чемъ ты плачешь?“ Аля разспрашивала не изъ празднаго, пустого любопытства, но изъ желанія утѣшить, помочь чужому горю. Если мамѣ случалось заболѣть, Аля не отходила отъ ея кровати. Аля любила возиться съ мамой, называла ее своей „крошкой“, укутывала ее въ платокъ если той бывало холодно, украшала ее цвѣтами, а иногда ласково журила.

Однажды между ея отцомъ и матерью вышла размолвка. Отецъ уѣзжалъ въ городъ, и мама не хотѣла проводить его на крыльцо. Аля укоризненно посмотрѣла на нее и покачала головой.

— Не хочешь? Ну, такъ я пойду... А ты оставайся!—грустно, но рѣшительно промолвила Аля и успокоилась лишь тогда, когда увидала, что отецъ и мать примирились и просвѣтлѣли ихъ нахмуренныя лица.

Когда нужно было утѣшить маму, Аля крѣпко обнимала ее и ласково шептала:

— Муська, моя дорогая! Золото мое, солнце мое, не плачь. Я люблю тебя... Мусенька, Расскажи мнѣ лучше что-нибудь или почитай!

И рассказамъ не было конца...

Сказокъ страшныхъ, съ безобразными вѣдъмами и съ злыми великанами Аля не любила, ей нужны были поэтическіе образы, любящіе, кроткіе, ей нужны были герои мужественные, но великодушные, не пятнавшіе рукъ въ крови. Аля все прочитанное близко принимала къ сердцу, и дѣло иногда доходило до слезъ.

— Мама, зачѣмъ онъ такъ сдѣлалъ?— съ сожалѣніемъ говорила она, когда въ рассказѣ встрѣчалось описаніе какого-нибудь дурного поступка.—Вѣдь это же нехорошо... Богъ не любитъ злыхъ,

Мама читала ей много изъ священной исторіи, о первыхъ вѣкахъ христіанства, о христіанскихъ мученикахъ, читала рассказы изъ исторіи русской земли. Аля жадно слушала, пристально смотря на маму, и, какъ бы боясь проронить слово, лишь изрѣдка глубоко вздыхала или тихо спрашивала:

— Мама, вѣдь все это было?

Изъ дѣтскихъ книгъ она особенно любила книги Льва Толстого, Андерсена, Кота Мурлыки и еще одного писателя... Аля читала Донъ-Кихота—книгу знаменитаго испанскаго писателя Сервантеса. Сначала она забавлялась надъ нелѣпыми выходками Донъ-Кихота, но потомъ, когда личность Донъ-Кихота стала все ярче и ярче выступать передъ ней, ея дѣтское сердечко заговорило въ защиту этого добраго, благороднаго рыцаря, а подъ конецъ Аля уже со слезами негодовала на злыхъ людей, смѣявшихся надъ нимъ.

— А онъ все-таки лучше ихъ, потому что хотѣлъ дѣлать добро людямъ!—настойчиво говорила Аля.

Нерѣдко также мысленно Аля путешествовала съ мамой по Крыму.

— Ну, мамуся, Расскажи мнѣ про горы про море... Хорошо оно? Голубое?—спрашивала дѣвочка. — Шумить? И камни насыпаютъ на берегъ? А цвѣтовъ тамъ много? Какіе же тамъ цвѣты, мама? А татарскія дѣти станутъ со мной играть?..

И глазки у Али блестѣли отъ счастья въ ожиданіи путешествія. Но эти мечты ея не сбылись. Она не побывала въ Крыму и не видала голубого моря...

II.

Пѣтомъ Аля любила ѣздить съ отцомъ въ поле... Она садилась на бѣговья дрожки впереди отца, забирала вожжи и сама правила лошадей, а отецъ той порой экзаменовалъ ее. И Аля всегда съ живѣйшимъ удовольствіемъ сдавала экзаменъ. Отецъ просилъ ее назвать тотъ или другой хлѣбъ, какую-нибудь травку, цвѣтокъ... Дѣти въ такіе годы, какъ Аля, временно или постоянно живущія въ деревнѣ, не всегда сумѣютъ отличить пшеницу отъ ячменя. Аля же отлично знала всѣ хлѣба и названія очень многихъ травъ. Если сегодня она не сумѣла назвать отцу какое-нибудь растеніе, то можно было смѣло поручиться, что завтра она ужъ навѣрное назоветъ его безъ ошибки. Всѣ эти знанія Аля получила не изъ книгъ, но изъ отвѣтовъ на свои нескончаемые вопросы: „Что это? Какъ называется? Для чего оно нужно?“ и такъ далѣе. Можно было только удивляться, какъ всѣ эти свѣдѣнія укладывались въ ся маленькой головкѣ и не улетучивались изъ нея.

Иногда отецъ ея съ мамой отправлялись въ луга въ шарбанѣ, и Аля непременно